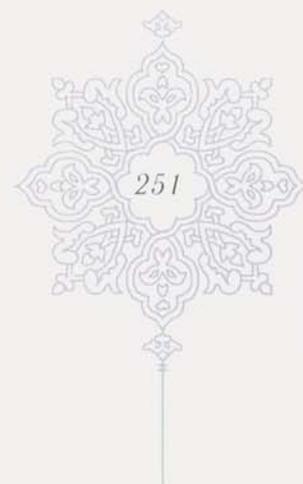

РАЗГРОМ ЦДУМ

12 апреля 1936 г. умер муфтий Ризаитдин Фахретдинов. К этому времени на территории России прекратили существование почти все мусульманские приходы, мечети были закрыты, религиозная жизнь замерла. В Башкирии из 2 507 мечетей продолжали функционировать едва 600, в Татарии и того меньше. Были закрыты мечети в Астрахани, Горьком, Москве, Ленинграде. В национальных республиках прошли процессы над «буржуазными националистами», в ходе которых были репрессированы республиканские руководители всех рангов и представители творческой и научной интеллигенции коренных национальностей.

Под волну борьбы с «буржуазным национализмом» попали и без того гонимые религиозные деятели мусульманской конфессии. Тысячами гибли они в сталинских лагерях, в шахтах, на лесоповалах, исчезли навсегда из жизни своих близких. И только на рубеже XX—XXI вв. благодаря усилиям сотрудников архивов, органов безопасности, исследователей-историков и краеведов их судьбы становятся известными читателям.

Провозглашаемая свобода совести не давала возможности уничтожить окончательно все религиозные учреждения, тем более руководящие их центры. В 1936 г. Центральное духовное управление мусульман представляло собой одинокий остров в океане бушующих репрессий. Его не трогали, пока был жив муфтий Фахретдинов, который неоднократно обращался в комиссию по делам религиозных культов при ВЦИК к П. Г. Смидовичу, во ВЦИК к М. И. Калинину, указывая на факты преследования священнослужителей, на незаконные действия властей по закрытию культовых зданий. Положение верующих мусульман и мусульманского духовенства действительно было критическим. После первой волны репрессий 1928—1929 гг. многие из них были сосланы в концентрационные лагеря Урала и Сибири. Высланные из Башкирии вместе с раскулаченными крестьянами представители духовенства направлялись на предприятия Востокугля. Отдельным представителям мусульманского духовенства удалось выехать — легально и нелегально — за границу. В 1931 г. перебрался через границу имам-хатыб Ленинградской мечети, известный мусульманский богослов, общественный деятель Муса Бигиев. Оставшиеся же в СССР служители культа оказались в роли заложников сталинской «свободы совести» и прошли не раз через ГУЛАГ. Выйдя на свободу после первых, как правило трех-летних, пребывания в лагерях, они вторично в массовом порядке

подверглись репрессиям в середине 30-х гг. Возвращение служителей культа к религиозной деятельности после отбытия сроков было кратковременным. Всех ждал 1936-й.

Кончина муфтия Ризы Фахретдинова была удобным поводом для того, чтобы разделаться с Духовным управлением мусульман России, а заодно и с Духовным управлением мусульман Башкирии. Оба управления находились в Уфе, что заставляло власти с опаской взирать на этот мусульманский центр России.

Сразу после смерти муфтия органами НКВД было инспирировано «Дело о заговоре руководителей ЦДУМ». По делу о Духовном управлении было обвинено более 30 человек — как причастных к ЦДУМ, так и не имеющих к нему никакого отношения. Суть обвинения сводилась к следующему: заместитель муфтия казый Кашшафутдин Тарджиманов, а также другие члены ЦДУМ приняли решение объявить о закрытии ЦДУМ с целью спровоцировать выступления масс на почве недовольства политикой правительства СССР в области религии. В обвинении цель закрытия ЦДУМ была сформулирована как «возбуждение верующих против советской власти», что квалифицировалось УК РСФСР по 58 статье как «контрреволюционное преступление».

По ходу следствия были добавлены обвинения в связях с мусульманской белой эмиграцией в Японии, Германии и Финляндии, вылившиеся в формулировку «шпионско-диверсионная деятельность». Как само собой разумеющееся служителям культа вменялись в вину пропаганда и агитация, направленные на ослабление советской власти. Каждый из обвиняемых был осужден по трем-четырем пунктам знаменитой 58 статьи Уголовного кодекса.

Первый удар по уфимским мусульманам был нанесен спустя несколько дней после похорон муфтия Фахретдинова. 19 апреля 1936 г. в Уфе был арестован казначей ЦДУМ Шараф Шагар Шарафутдинов, принимавший в свое время участие в первом общесоюзном съезде мусульман в 1923 г.

Из следственных материалов по делу Ш. Шарафутдинова:

Док. 1. Шараф Шагар Шарафутдинов, 1877 года рождения, д. Аксу Буинского р-на Татарской ССР, татарин, бывший религиозный деятель. С 1933 по 1936 г. казначей ЦДУМ. В 1928 г. коллегией ОГПУ за антисоветскую деятельность и организацию нелегальных религиозных курсов приговорен к 3 годам концентрационного лагеря.

Док. 2. 19 апреля 1936 г. арестован СПО УГБ НКВД по БАССР по обвинению по статье 58, пп. 10, 11, за то, что, будучи участ-

ником контрреволюционной националистической организации, принимал активное участие по организационному сколачиванию контрреволюционного мусульманства для борьбы с Советской властью и распространению среди своих единомышленников идеи отрицания Советского строя, за что Особым Совещанием НКВД СССР.. августа 1936 г. был осужден к 5 годам концлагеря. Сейчас содержится в Уфимской тюрьме и в ближайшее время должен быть переправлен в концлагерь. В связи с тем, что Шараф Шагар Шарафутдинов тесно связан с руководством ЦДУМ и муллой г. Москвы Шамсутдиновым Абдуллой, арестованным и сознавшимся в руководстве диверсионной контрреволюционной националистической организацией в СССР, созданной японской разведкой, и вместе с ними принимал участие в обсуждении письма Тарджиманова о целесообразности закрытия ЦДУМ с целью усиления деятельности указанной организации среди мусульманского населения, что установлено следствием, а также признанием самого Шарафа Шагара, руководствуясь ст. 91, постановить: приобщить следственные материалы по Ш. Ш. Шарафутдинову к делу 2301 и возбудить против Ш. Ш. Шарафутдинова новое уголовное дело по обвинению его в принадлежности к диверсионно-контрреволюционной националистической организации, руководимой ЦДУМ; отправку в лагеря приостановить. 25 октября 1936 г.

К концу 1936 г. дело раскрутилось в полную силу, и 15 декабря Шарафу Шагару было предъявлено обвинение в «принадлежности к контрреволюционной националистической организации, созданной по указанию белоэмигрантского центра».

В мае 1936 г. в Москве был арестован Кашшафутдин Тарджиманов, заместитель муфтия, казый, редактор журнала «Ислам». Вместе с ним были арестованы имам-хатыб московской мечети Шамсутдинов Абдулла Хасанович, инженер одного из московских заводов М. А. Ерзин (его отец, Абдул-Салих Юсупович Ерзин, финансировал строительство второй московской мечети в 1904 г., сестра Фатыма была замужем за Мирсаитом Султан-Галиевым, который еще в 1923 г. стал «первой жертвой генсека»), научный сотрудник Б. Б. Девишев, экономист Э. И. Акчурин, служащий А.-Х. Казаков — все из московского окружения К. Тарджиманова. Был арестован и Зия Камали (Парвазетдин Ямалетдинович Камалитдинов), член ЦДУМ, казый. Одновременно с К. Тарджимановым и З. Камалитдиновым были арестованы 25 человек, среди которых были знакомые К. Тарджиманова из Москвы, Казани, Перми, Ташкента.

Затем последовали аресты в других городах. В Омске был арестован имам омской мечети Г. Гимуш, в Казани — практически все имамы, а также лица, за которыми тянулся шлейф «антисоветской деятельности» с самого начала 20-х гг. Среди них был Хади Атласов, бывший депутат II Госдумы, историк, автор работ «Естественная история», «История Казанского ханства», «Сююмбике». Именно Хади Атласов ввел в научный оборот интереснейший исторический источник — ярлык хана Сахиб-Гирея. Первый раз Атласов привлекался к суду в 1921 г. В 1929 г., когда он открыто выступил против латинизации тюркских языков (Яналиф погубит татарскую культуру, — говорил он), Атласов был приговорен к 10 годам лагерей как «султангалиевец». Срок отбывал на Соловках.

ХРОНИКА АРЕСТОВ ЧЛЕНОВ ЦДУМ

После первых допросов круг арестованных стал быстро расширяться, волна репрессий захлестнула мусульманское духовенство Казани, Уфы, Омска, Ташкента. Основанием для арестов членов ЦДУМ послужили признания К. Тарджиманова в том, что среди членов ЦДУМ и некоторой части мусульманского духовенства обсуждался вопрос о закрытии Центрального духовного управления мусульман, которое «создает для заграницы иллюзию хорошего отношения советской власти к религии». К. Тарджиманов также признался, что был членом «центра контрреволюционной организации», которая имела связь с работниками японского, афганского и турецкого посольств. Автоматически все знакомые К. Тарджиманова в Ленинграде, Казани, Уфе, Омске, Ташкенте были квалифицированы следствием как члены одной контрреволюционной организации.

К середине июля были намечены следующие жертвы в Уфе: Усманов Мулланур, Фахретдинов Абдрахман, Сиразетдинов Галей, Максютлов Багаутдин, Хабиров Гумда, Асякаев Ибрагим, — и утром 17 июля после ночного обыска все они были арестованы. А. Фахретдинов, Г. Хабиров и М. Усманов шли по делу об уфимской контрреволюционной организации членов ЦДУМ. При обыске у Усманова были обнаружены «изобличающие» материалы — записные книжки, альбом о Японии, штампы на английском языке с надписью «Япония», что обеспечило его обвинение по пунктам пп. 4, 10, 11 статьи 58 УК РСФСР как участника «контрреволюционной организации, созданной по указанию белоэмигрантского центра; будучи в эмиграции состоял членом татарской белоэмигрантской организации — мусульманской общины, проводил активную работу против СССР, по заданию белоэмигрантского центра в Харбине прибыл в СССР с контрреволюционным заданием и связался с руководством ЦДУМ — Камалитдиновым Зияитдином и с белоэмигрантами, прибывшими в СССР с контрреволюционным заданием».

Основанием для ареста Хабирова Гумды Сагдуллаевича послужило то, что он был родственником «японского агента Хабирова Салиха», другом «белоэмигрантов Закира Кадыри и Гаяза Исхаки», к тому же в 1925 г. Гумду Хабирова посетил Хабиров Салих, прибывший из Харбина.

Абдрахман Фахретдинов — известный башкирский литератор, переводчик, редактор газет «Башкурдистан», затем «Вакыт», главная вина которого состояла в том, что он был сыном умершего

муфтия Ризы Фахретиднова. Санкция на его арест была подписана 15 июля. Добывающийся ареста лейтенант госбезопасности сообщил: «...будучи в курсе всей контрреволюционной деятельности и связях своего отца Ризаетдина Фахретиднова и Кашшафутдина Тарджиманова с татарской белой эмиграцией в Японии, Германии, Финляндии, а также связанных с ними лиц — скрывает. На основании этого прошу санкции на арест». В описи изъятых при обыске вещей числятся ценные документы, которые, к сожалению, пропали окончательно, среди них: обширная переписка на арабском языке — 206 писем, составивших 310 листов; цифровой отчет по учету мусульманского духовенства и мечетей в Башкирии — 57 листов; рукопись Ризы Фахретиднова — 35 листов, а также фотографии, блокноты. Среди прочего был найден финский нож, который «хранится без разрешения».

Обвинение А. Фахретиднову предъявлялось дважды. Первое — по статье 58, пункт 10, от 3 августа 1936 г., в нем говорится: «Изобличается в том, что зная о националистической контрреволюционной деятельности заместителя муфтия Тарджиманова К. и других, скрывает». Но к концу 1936 г., а именно 15 декабря, его обвинение, как и остальных, шедших по этому делу, было переквалифицировано: «Дополнительное обвинение. Следствие установило, что Фахретиднов Абдрахман причастен к националистической контрреволюционной организации, принимал участие в шпионско-диверсионной повстанческой организации, возглавляемой его отцом муфтием, его заместителем Тарджимановым Кашшафутдином, был осведомлен о встрече своего отца за границей с лидерами белоэмиграции — Гаязом Исаковым, Заки Валидовым, знал о приезде из-за границы агентов иностранных государств с контрреволюционными заданиями к его отцу муфтию Р. Фахретиднову. Ранее предъявленное обвинение переквалифицировать и предъявить обвинение по статье 58, пп. 4, 10, 11, 15 декабря 1936 г.».

После предъявления обвинения в материалах дела больше не встречается упоминаний об А. Фахретиднове. Известно, что накануне 1937 г. он погиб в уфимской тюрьме. Но как? Татарский исследователь Булат Султанбеков пишет, что один из охранников, рискуя своей жизнью, показал родственникам погибшего неглубокую яму, в которой было захоронено тело А. Фахретиднова. К сожалению, и сегодня не известны точная дата и обстоятельства его смерти, место упокоения.

Не известно также, чем бы закончились дни самого Ризы Фахретиднова, проживи он немного дольше. Слишком велико было

рвление властей покончить с «контрреволюционным» духовенством, и если бы муфтий не умер сам, ему пришлось бы разделить участь К. Тарджиманова, З. Камали и др. Арест членов семьи муфтия, по-смертные обвинения в его адрес подтверждают это. 22 июля 1936 г. оперуполномоченный младший лейтенант А<...>в, «рассмотрев материалы расследования по делу вскрытой ОО УГБ УНКВД по БАССР в г. Уфе и ОО ГУГБ НКВД СССР в г. Москве крупной контрреволюционной шпионско-диверсионной группы, нашел, что, по показаниям арестованного в Москве заместителя муфтия и признавшегося японского агента Тарджиманова Кашафа, умерший в 1936 г. муфтий Фахретдинов Ризаетдин входил в руководящий состав вскрытой организации, а потому постановил: произвести обыск в квартире бывшего муфтия Фахретдинова Ризаетдина на предмет изъятия документов, касающихся контрреволюционной организации».

Осенью 1936 г., когда все члены ЦДУМ были уже арестованы, всплыла тема «пикника на Деме». Следствие установило, что летом 1935 г. члены ЦДУМ выезжали на берег р. Демы и на пикнике обсуждали вопрос о необходимости закрытия ЦДУМ, так как оно не приносит верующим пользу, а лишь служит для советской власти символом свободы совести в СССР. Было сказано о том, что сделать это надо демонстративно, как поступил бывший муфтий Крыма Тарпи Ибрагимов.

Все участники пикника на Деме были арестованы, и тема пикника — вопрос о «преднамеренном закрытии ЦДУМ» — стала мотивом следующих репрессий.

ПРИГОВОР ЧЛЕНАМ ЦДУМ

22 декабря 1936 г. Верховный суд БАССР сформулировал приговор арестованным:

«Обвинительное заключение по делу № 2301 по обвинению граждан: Абызгильдина Джахангира Талховича, Камалетдинова Мутагара Мирхайдаровича, Шагар-Шараф Шарафутдинова, Фахретдинова Абдрахмана Ризаветдиновича, Усманова Муллачура Багаутдиновича, Ахтямова Хабибуллы Абдулхаковича, Мужавирова Зии Фаттаховича, Ханисламова Галлямутдина Хуснутдиновича, Мустафина Гарифьяна Мухаметовича, Абдрахманова Халима Кадыровича, Хабирова Гумды Сагдуллоевича в преступлении по статье 58, пп. 4, 6, 10, 11, от 22 декабря 1936 г. <....> Нач. управления НКВД по БАССР, майор госбезопасности. Разведки двух иностранных держав создали в СССР шпионско-диверсионную контрреволюционную организацию среди мусульман во главе с ЦДУМ (Фахретдинов Р., Тарджиманов К.). Контрреволюционная деятельность проводилась по указанию мусульманских белоэмигрантских центров в Берлине и Харбине, лидерами которых были Гаяз Исхаки, Галимджан Идриси, Рашид Ибрагимов. В июле 1936 г. контрреволюционный центр ликвидирован в Москве и на территории СССР ликвидированы его филиалы. Один из филиалов был вскрыт в Башкирии: Камалитдинов Зия (арестован и препровожден в Москву), учитель г. Уфы Ахтямов Хабибулла, бывший мулла (арестован), Чанышев Ильдэрхан, учитель, член валидовского правительства (в бегах), Смаков Муса, специалист Южураллеса, покончил с собой в уфимской тюрьме.

Активные участники Башкирского филиала:

1. Абызгильдин Джахангир Талхович — ахун, член Ученого совета ЦДУМ,
2. Шагар Шараф — член Ученого совета ЦДУМ,
3. Фахретдинов Абдрахман — сын бывшего муфтия, журналист,
4. Камалетдинов Мутагар Мирхайдарович — муфтий БДУМ,
5. Ханисламов Галлямутдин — административно-ссылный, бывший редактор религиозного журнала «Дин ва Магишат» в г. Оренбурге,
6. Маннанов Абдулхак — бывший казый ЦДУМ,
7. Мужавиров Зия — инженер Башнефти,
8. Абдрахманов Халим,
9. Мустафин Гарифьян,
10. Хабиров Гумда,

11. Усманов Мулланур,
  12. Ахтямов Хабибулла.
- (все арестованы)».

Суд вынес оправдательный приговор Мужавирову (инженеру управления Башнефти, которого обвиняли в подготовке террористических актов на юге Башкирии) и приговорил остальных к 4–8 годам лагерей с последующим поражением в правах на 3–5 лет.

Однако Специальная коллегия Верховного суда РСФСР нашла приговор неоправданно мягким и в октябре 1937 г. постановила продолжить расследование и назначить на январь 1938 г. новое судебное заседание. На этом заседании Верховный суд РСФСР вынес новый приговор в отношении 11 арестованных (к этому времени не стало в живых А. Фахретдинова). Трое были приговорены к 10 годам лагерей и 5 годам поражения в правах, остальные — Абызгильдин, Камалетдинов, Шараф-Шагар, Ахтямов, Ханисламов, Мужавиров, Усманов, Хабиров — к высшей мере наказания — расстрелу. Приговоренные к расстрелу возбудили ходатайство в Верховный суд СССР, который в мае 1938 г. вынес заключение: «Ходатайства о применении частичной амнистии Абызгильдина, Камалетдинова, Шараф Шагара, Мужавирова, Усманова, Хабирова — всех шестерых приговоренных к расстрелу — после рассмотрения Верховным судом РСФСР от 23 марта 1938 г. отклонить. Хабирову расстрел заменить 10 годами исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на 5 лет, остальным — отклонить. Ханисламову, учитывая второстепенную роль в организации, расстрел заменить лишением свободы. В отношении Ахтямова дело прекратить за смертью».

Была расстреляна единственная женщина-казый Мухлиса Бубинская.

Из руководства ЦДУМ не осталось практически никого.

Разгромом мусульманских центров закончилась целая эпоха в развитии российского ислама. Хотя общероссийское управление было сохранено, оно уже не могло выполнять функции руководящего центра в полной мере. Были уничтожены тысячи приходов, из 13 700 общин внутренней России к началу Великой Отечественной войны оставалось около ста. Оборвались тесные связи между Центральным духовным управлением и руководителями приходов на местах, оставшееся духовенство опасалось их поддерживать. Духовное управление перестало выполнять одну из своих главных функций — религиозно-просветительскую. В 30-е гг. дважды была осуществлена замена графики тюркских языков. Переход на

латиницу, а затем на кириллицу одновременно с уничтожением мусульманского духовенства и запретом на религиозную литературу (а вместе с ней и на любую, написанную арабской графикой) — все это принесло непоправимый ущерб мусульманским народам, лишенным своих культурных ценностей и возможности их реставрации. Репрессии положили конец многолетним творческим дискуссиям между сторонниками реформ в исламе и их противниками, между джадидистами и кадимистами. Развитие исламских наук и образования прекратилось в стране на долгие 70 лет.

В 1936 г., арестовав всех членов ЦДУМ и уничтожив полностью Башкирское духовное управление, власти объявили о слиянии двух мусульманских ведомств в Уфе в одно духовное управление и, после тщательного рассмотрения всех возможных кандидатур, назначили муфтием, председателем Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири Габдрахмана Расулева.

Муфтий Габдрахман Расулев

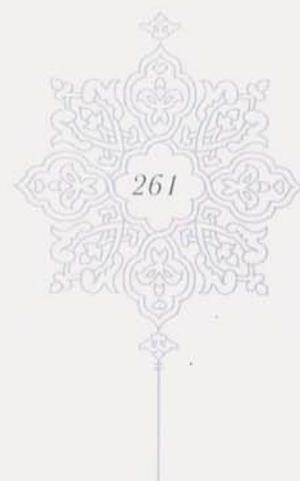

*Муфтий
Габдрахман Расулев*

Расулев Габдрахман Зайнуллович (1889, д. Ахуново Златоустовского у. Уфимской губ., ныне Учалинского р-на РБ, — 1950, Уфа). Окончил медресе «Расулия», основанное его отцом Зайнуллой Расулевым, где получил звание ишана и право иметь учеников (мюридов). Автор ряда религиозных календарей, учебных пособий, в том числе неоднократно переиздававшегося «Ислам Дине». Был избран муфтием, председателем ЦДУМ в 1936 г. В 1948 г. на съезде ДУМЕС был вторично избран муфтием.

Немаловажным обстоятельством при выборе кандидатуры на должность председателя управления было то, что Габдрахман Расулев был сыном самого авторитетного и влиятельного мусульманского религиозного деятеля рубежа XIX—XX вв. Зайнуллы Расулева. И впоследствии, когда после смерти муфтия Расулева вновь встал вопрос о новом муфтии, выбор пал на ученика Зайнуллы Расулева Шакира Хиялетдинова. Вот что пишет Хамид Алгар в своей работе «Последний великий накшбандийский шейх Волго-Уральского региона», посвященной Зайнулле Расулеву: «У шейха Зайнуллы было шесть сыновей с совершенно разными судьбами. ...Самый старший из сыновей Зайнуллы Абд аль-Рахман Расулев сыграл наиболее видную роль в послереволюционный период. До революции он был

избран членом «Комиссии пятнадцати», образованной Третьим Всероссийским мусульманским конгрессом в 1906 г. для контроля мусульманского духовенства. В 1941 г., после германского нападения на Советский Союз, Сталин согласился на снятие некоторых ограничений религиозной деятельности. Абд аль-Рахмана Расулева назначают муфтием и директором учрежденного Духовного управления мусульман Европейской части России и Сибири с местопребыванием в Уфе. Расулев же ответил на этот шаг призывом к мусульманам поддержать войну против Германии. Он оставался муфтием и главой ДУМЕСа до самой смерти в 1952 г. Абд аль-Рахман, вероятно, был халифом отца в Халидистско-Накшбандийском ордене. Его преемник в качестве главы ДУМЕСа — муфтий Шакир Хиялетдинов, пребывавший в этой должности вплоть до 1974 г., также был учеником шейха Зайнуллы. Был ли он еще и халифом — неизвестно. Тот факт, что с 1941 по 1974 г. ДУМЕС возглавлялся личностями, близкими к шейху Зайнулле, говорит об их влиятельности в мусульманской общине, что и вынуждало советские власти именно их назначать на высокий пост».

ЦДУМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война внесла существенные коррективы в отношении государства к церкви и верующим. Правительство понимало, что размах довоенной антирелигиозной политики привел к сокращению количества мечетей и церквей, но не верующих, и тем более не сломил их религиозного духа. К тому же потеря близких в войне, похоронки, смерть — все это заставило верующих отбросить в сторону различные условности и запреты, участились случаи открытого отправления религиозных обрядов, поминаний, жертвоприношений.

В годы войны в церквях и мечетях звучали призывы к защите Родины, производился сбор средств, одежды, продуктов для нужд фронта, распространялись облигации государственных займов, верующие — и мусульмане, и христиане — участвовали в сборе денег для Красной армии.

15 мая 1942 г. мусульманское духовенство СССР под председательством муфтия ЦДУМ Габдрахмана Расулева собралось в Уфе на чрезвычайное совещание. В заявлении собравшихся, опубликованном в том же месяце в газете «Труд», нападение гитлеровцев на Советский Союз сравнивалось с крестовыми походами против мусульман в Средние века: «Фашистская Германия и ее приспешники — Италия и другие, так же, как и 1 100 лет назад в Испании, и в 1189 г. в крестовом походе, ведут настоящую войну с целью завоевания мирового господства и порабощения народов, притесняя мусульман и уничтожая их религию, культуру и обычаи мусульман, стараются онемечить их. Немцы-фашисты, не считающие народы других наций за людей, не знающие пощады, старающиеся утвердить господство немецкой расы над другими народами, принесли большое несчастье во временно оккупированных ими областях: разрушили молитвенные здания, школы, культурно-просветительные заведения; уничтожили многих наших детей и женщин; отняли у стариков и женщин имущество, оставив их без крова, обреченными на голодную смерть; насиловали женщин и девушек. Под этим заявлением подписались председатель и члены ЦДУМа, имамы Москвы, Уфы, Казани, Новосибирска, мухтасибы Семипалатинска и Куйбышевской и Пензенской областей, представители мусульман Башкирии, Челябинской и Свердловской областей, Казахской ССР.

Габдрахман Расулев призвал мусульман встать на защиту Родины. «Нет ни одного правоверного, чей сын, брат или отец не дрались бы сегодня с немцами, отстаивая с оружием в руках нашу общую Родину. Так же, как и нет, наверное, ни одного, кто бы в тылу

Муфтий Габдрахман Расулев

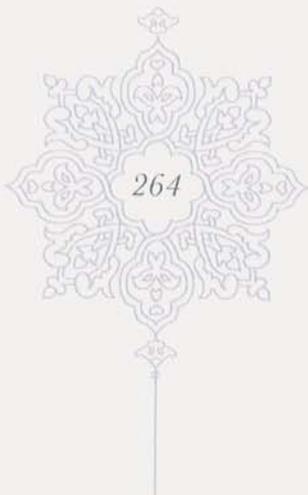
не помогал делу победы своим трудом на фабриках и заводах. Ибо мы, мусульмане, хорошо помним слова Пророка Мухаммада (мир ему): «Любовь к Родине — это часть твоей веры», — сказал муфтий Габдрахман Расулев, чье обращение зачитывалось во всех мечетях страны, на собраниях верующих. В мусульманских приходах был начат сбор денег, одежды, продуктов для нужд фронта и поддержки семей военнослужащих.

Мусульманское духовенство выступило в советской печати с обращениями к мусульманам СССР. За подписью казья и имама соборной мечети Ташкента Зияутдина Ишана Бабаханова была опубликована статья «Фашизм — враг правоверных мусульман», муфтий Габдрахман Расулев опубликовал статью «Участие мусульманского духовенства в борьбе народов Союза ССР против гитлеровской Германии».

В 1943 г. муфтий Габдрахман Расулев от имени мусульман Советского Союза направил Иосифу Сталину письмо с заверениями в поддержке Красной армии, а также собранные им среди мусульман деньги на строительство танковой колонны. Личный денежный вклад муфтия составил 50 тыс. рублей. 3 марта 1943 г. газета «Известия» опубликовала письмо муфтия на имя Сталина: «Воодушевленный успехами нашей славной Красной Армии я лично вношу 50 тысяч рублей на строительство танковой колонны и особым посланием приглашаю верующих мусульман жертвовать на постройку танковой колонны». В том же номере была опубликована и ответная телеграмма Сталина: «Благодарю Вас за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной армии. И. Сталин».

На фронтах Великой Отечественной войны воевали тысячи мусульман, среди них — дети, родные и близкие арестованных, сосланных в лагеря, расстрелянных служителей ислама. Сражаясь за Родину, никто из них ни разу не усомнился в священном долге кадного мусульманина защищать свое Отечество.

Были также сформированы отдельные части из башкир, народов Северного Кавказа, которые в основном состояли из лиц, воспитанных в мусульманской традиции. К таким формированиям относится 112-я кавалерийская дивизия, сформированная в Уфе в декабре 1941 г. Из башкирских и татарских сел и деревень, из колхозов Башкирской АССР для комплектования дивизии было передано 13,3 тыс. лошадей, упряжь, обмундирование, фураж и т. д. Комплектование личного состава проходило также в основном за счет пополнения из сельских районов БАССР, мусульмане составили

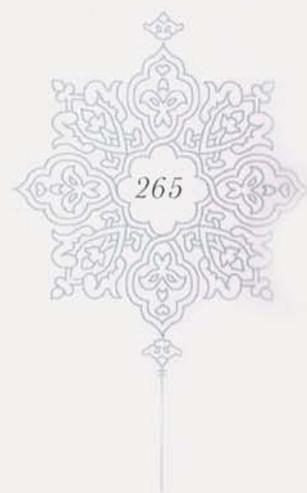
в целом 85,9 % личного состава дивизии (башкиры — 81,4 %, татары — 14,5 %, русские — 3,3 % и др. национальности — 0,8 %). Для формирования командного состава дивизии по разрешению Главного управления формирования Красной армии с фронта, из других военных округов были отозваны командиры из башкир и татар. Командирами полков были назначены майор Тагир Таипович Кусимов (275-й кавалерийский полк), майор Гарей Абдуллоевич Нафиков (294-й кавалерийский полк), майор Гариф Давлетович Макаев (313-й кавалерийский полк). 25 декабря 1941 г. прибыл и вступил в должность командира дивизии легендарный полковник Шаймуратов. Прославленная 112-я кавалерийская дивизия дошла до Берлина, за участие в апреле — мае 1945 г. в Берлинской стратегической операции награждена орденом Кутузова II степени. Всего за годы Великой Отечественной войны дивизия прошла от Дона до Эльбы свыше 4 000 километров, 15 раз была отмечена в приказах Верховного Главнокомандующего как отличившаяся в боях. 3 860 воинов дивизии награждены орденами и медалями, 78 из них стали Героями Советского Союза и пятеро — полными кавалерами ордена Славы. Дома, в башкирских и татарских аулах, разоренных войной, их ждали старики, матери и жены, сестры и дочери, терпеливо перенося все тяготы трудового тыла. Несмотря на то, что из всех мечетей Башкирии к 1941 г. действующими оставались чуть более 12, в каждой деревне оставались те, кто, обращаясь к исламу, находил слова утешения и моральной поддержки.

В годы Великой Отечественной войны, по данным военных комиссариатов, из городов и районов Дагестана было призвано в армию и на флот 126 432 человека. В частях РККА действовал бронепоезд «Имам Шамиль», в составе 1-й танковой армии действовала танковая колонна, носившая имя имама Шамиля. Средства на ее создание были собраны жителями Дагестанской АССР в 1942 г. 5 января 1943 г. Иосиф Сталин через «Дагестанскую правду» поблагодарил дагестанцев за их вклад в Победу. Имя национального героя Дагестана, воевавшего за свободу мусульман Кавказа, поднимало дух советских солдат.

Из Азербайджанской ССР при общей численности населения в 3,4 млн человек (по состоянию на 1941 г.) на фронт были призваны 681 тыс. человек, в том числе 10 тыс. женщин. 300 тыс. солдат, призванных из Азербайджана, погибли на полях сражений.

Продолжение конфронтации религии и государства в условиях войны было чревато расколом в рядах трудового тыла, а также делало власть уязвимой со стороны подавляемого, но не подавленного

верующего населения. В годы войны правительство было вынуждено отказаться от прежней практики безудержного давления на веру и верующих и перейти к частичным уступкам интересам религиозного населения страны. Постоянно действующие комиссии по делам религиозных культов при центральных исполнительных органах страны и республик, зарекомендовавшие себя в качестве исполнителей жесткой секуляризационной политики правительства, были повсеместно упразднены еще в 1938 г. С целью урегулирования отношений с верующими и «соблюдения советской законности» были учреждены два новых органа, ведавшие делами религий.

ЦДУМ И АТЕИСТИЧЕСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

С 1943 г. власти переходят к либерализации религиозной политики. С целью урегулирования отношений с верующими и «соблюдения советской законности» в годы Великой Отечественной войны были учреждены два новых органа, ведавшие делами религий. В сентябре 1943 г. по распоряжению Сталина был учрежден Совет по делам Русской православной церкви. Постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 г. № 572 был учрежден Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (в 1946 г. СНК реорганизуется в Совет Министров, таким образом Совет по делам религиозных культов далее в тексте будет иметь аббревиатуру «СРК СМ СССР») как орган, призванный осуществлять связь между правительством и руководителями религиозных объединений всех конфессий, кроме православной. Постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. № 628 «Об утверждении Положения о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР» на СРК СНК СССР было возложено осуществление контроля за соблюдением, правильным применением и исполнением всех законодательных актов, относящихся к религии.

Либерализация религиозной политики касалась территориальной организации мусульманской общины СССР. Кроме уфимского Духовного управления мусульман, появилось еще три:

– 20 октября 1943 г. в Ташкенте на учредительном съезде мусульман Средней Азии было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с центром в Ташкенте под председательством Ишана Бабахана ибн Абдулмажидхана;

– 25–28 мая 1944 г. в Баку на первом съезде мусульман Закавказья учреждается Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗак) с центром в столице Азербайджана под председательством Ахунда Ага Ализаде;

– 20–23 июня 1944 г. на проходившем в дагестанском г. Буйнакске съезде мусульман Северного Кавказа учреждается Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Буйнакске. Первым муфтием ДУМСК стал кумык Хизри Гебеков.

Таким образом, мусульманское сообщество СССР было окончательно упорядочено и, как пишет Роман Силантьев в своей книге «Новейшая история исламского сообщества России» (М., 2005), разделено на четыре сферы влияния «по национально-географическому признаку» (точнее, по историко-культурному, территориальному – А. Ю.).

Все четыре духовных управления контролировались Советом по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР (с 15 марта 1946 г. преобразован в Совет министров СССР). Председателем Совета 6 июня 1944 г. был утвержден И. В. Полянский, зарекомендовавший себя еще со второй половины 20-х гг. как сотрудник органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, непосредственно занимавшийся контролем за деятельностью религиозных организаций. Совет по делам религиозных культов имел на местах своих уполномоченных, деятельность которых регламентировалась распоряжением заместителя Председателя СНК СССР Молотова от 29 марта 1945 г. Согласно этому распоряжению уполномоченные приравнивались к начальникам управлений СНК союзных и автономных республик и заведующим отделами областных и краевых исполкомов. Работой уполномоченных руководили председатели СНК союзных и автономных республик и председатели областных и краевых исполкомов. Официально деятельность уполномоченных была направлена на урегулирование отношений между правительством и религиозными объединениями. Со всеми вопросами, касающимися регистрации общин, открытия молельных домов, проведения религиозных праздников и прочего, верующие обращались к уполномоченному в СРК. СРК решал все вопросы в соответствии с законодательством СССР о религиозных культах, составлял информационные отчеты. Последние включали данные о состоянии и деятельности религиозных общин за каждый квартал, планы работы СРК на полугодия, статистические данные (таблицы), докладные записки о прохождении религиозных праздников на территории республики, о паломничестве и деятельности мусульманского Духовного управления. Отчеты составлялись в четырех экземплярах и предназначались председателю СРК при СМ СССР, председателю СМ БАССР, секретарю обкома КПСС и «в органы». В них есть данные о количестве зарегистрированных и незарегистрированных религиозных общин, подробные сведения о служителях культа, материалы бесед уполномоченного с представителями религиозных общин, со священнослужителями, подробнейшие сведения о деятельности Духовного управления мусульман, находящегося в Уфе, статистические таблицы. В текстах отчетов сообщается также об изменениях в личном составе священнослужителей. Уполномоченный был в курсе всех перемещений казыев и имамов зарегистрированных мечетей, действующих во всех населенных пунктах. Учитывая, что в Уфе находится резиденция Централь-

ного духовного управления мусульман России, уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете министров СССР по БАССР отводилась роль куратора муфтия и Духовного управления. Как следствие, через него же проходили многие документы по мусульманским приходам Москвы, Ленинграда, Татарской АССР, Челябинской, Новосибирской и других областей, которые поступали из регионов в ДУМЕС.

В 1944 г. в Совет по делам религиозных культов поступили просьбы об организации хаджа, так как последние 20 лет мусульмане СССР не имели возможности совершать одно из главных предписаний ислама, также встал вопрос об издании религиозной литературы, открытии учебных заведений.

О состоянии и деятельности религиозных организаций в СССР

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР ПОЛЯНСКОГО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК СССР СТАЛИНУ

7 декабря 1945 г.

Совершенно секретно

Совет по делам религиозных культов при СНК СССР докладывает Вам об основных моментах, кратко характеризующих состояние и деятельность отдельных религиозных организаций, и о намеченных Советом мероприятиях, на которые просит Ваших указаний.

<...>

Мусульманское вероисповедание

Сейчас учтено около 500 фактически действующих мечетей. Эта цифра не отражает истинного положения, так как, во-первых, учет пока еще неточен и, во-вторых, религиозные запросы большинства мусульман до сих пор удовлетворяются незарегистрированными муллами, ведущими свою деятельность эпизодически.

Религиозные настроения среди мусульман в настоящее время находятся в стадии подъема и охватывают значительную часть населения, особенно Средне-Азиатских республик. Существующие религиозные центры – четыре духовных управления мусульман, распространяющих свою деятельность на РСФСР, Среднюю Азию, Северный Кавказ и Закавказье, вполне работоспособны и удовлетворительно выполняют свои функции в деле регулирования жизни и деятельности религиозных общин. Однако практика настоятельно требует еще большей

централизации управленческого аппарата, т. е. создания Всесоюзного центрального духовного управления мусульман. Кроме само собой разумеющегося значения такого центра в деле более четкого организационного руководства религиозной жизнью и координации деятельности территориальных духовных управлений он должен будет иметь серьезное политическое значение.

Необходимость создания такого религиозного центра выдвигается руководителями духовных управлений.

Очередными мероприятиями Совет считает следующее:

1. Организовать в Москве в 1946 г. расширенное совещание мусульман от всех четырех духовных управлений по вопросу о создании Всесоюзного центра.

2. Наметить в качестве главы центра, т. е. Великого муфтия мусульман СССР, председателя Средне-Азиатского духовного управления Ишан-Бабахана Абдул-Меджидханова. В качестве его заместителей наметить председателей остальных трех духовных управлений – муфтиев Расулева, Али Заде и Гебекова и одного специально избранного заместителя, возглавляющего деловой аппарат центра.

3. Сохранить дальнейшее существование четырех духовных управлений.

4. Определить местопребывание Великого муфтия в г. Ташкенте и трех его заместителей в местах пребывания в настоящее время руководимых ими духовных управлений, т. е. в Уфе, Баку и Буйнакске.

5. Организовать в Москве деловой аппарат Всесоюзного центра во главе с одним из заместителей Великого муфтия. Предоставить для этого соответствующее помещение и материальные возможности. Не препятствовать открытию в г. Москве второй мечети.

<...>

В качестве общего мероприятия, которое надо распространить на все религиозные культы, Совет считает необходимым издание Постановления Совнаркома СССР, дающее им права, аналогичные предоставленным Русской православной церкви. Проект по этому вопросу прилагается.

Председатель Совета по делам религиозных культов
при СНК СССР Полянский

ПИСЬМО
 ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
 ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ПОЛЯНСКОГО
 УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО БАШКИРСКОЙ АССР
 КАРИМОВУ

21 марта 1946 г.

Председатель Центрального Духовного Управления мусульман муфтий Расулев возбудил ходатайство перед Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР о разрешении ему, в целях наилучшего обслуживания мусульман, осуществить следующие мероприятия:

1) Открыть в г. Уфе в помещении первой мечети по Тукаевской ул. № 2 краткосрочные богословские курсы – семинары для подготовки служителей мусульманского культа и повышения знаний лиц, ныне занимающих должности мулл (имамов) мечетей. Количество служителей муфтий Расулев намечает в 30 человек и продолжительность курсов – три месяца с 1-го июля по 1-е октября 1946 года.

Программа курсов:

- а) Коран – правила чтения, перевод и толкование;
- б) хадисы – изречения пророка Магомета;
- в) богослужения – молитвы (намазы);
- г) этика ислама;
- д) Конституция СССР.

2) Издание на татарском языке мусульманского лунного календаря на 1947 год в количестве 3 000 экз.

Доводя об этом до Вашего сведения, Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР просит Вас сообщить мнение Совета Министров Башкирской АССР по вышеизложенным вопросам.

Председатель Совета
 по делам религиозных культов
 при Совете Министров СССР Полянский

ЦИА РБ. Ф. Р-4732. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

Относительно лояльная политика властей в отношении религии, обозначившаяся в годы Отечественной войны, нашла практическое воплощение в ряде льгот, предоставленных правительством служителям культа. Одна из них определена постановлением, принятым 26 февраля 1945 г. Комиссией при СНК ССР по освобождению

и отсрочкам от призыва по мобилизации. Согласно ему от призыва по мобилизации должны быть освобождены служители культов (военнообязанные запаса, независимо от возраста и состава), отправляющие потребности культа в действующих молитвенных зданиях. Оно распространялось на действующее духовенство всех конфессий на территории СССР. Основанием для освобождения служили справки, выдаваемые уполномоченным Советом по делам религиозных культов, удостоверяющие действительную принадлежность подлежащего призыву служителя культа к действующему религиозному обществу, уже зарегистрированному или подлежащему регистрации.

Специальным постановлением СМ СССР «О порядке обложения налогом служителей религиозных культов» от 3 декабря 1946 г. было снижено налогообложение духовенства, хотя по-прежнему налог со служителей культа был значительно выше того, что взимался с остальных граждан. В августе 1948 г. был смягчен паспортный режим для служителей культа. «Священники, имеющие паспортные ограничения, могут быть прописаны в режимной местности в порядке исключения, по представлению уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР», — говорится в специальной инструкции СРК.

Большое значение для нормализации государственно-религиозных отношений имело постановление СНК СССР от 28 января 1946 г. «О молитвенных зданиях религиозных культов». Пункт 1 данного постановления гласил: «Запретить закрытие без разрешения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР молитвенных зданий, находящихся в пользовании религиозных обществ верующих, и молитвенных домов всех культов в арендуемых верующими помещениях». А пункт 7 предоставлял, наконец, органам религиозных культов (религиозным центрам, епархиальным управлениям, зарегистрированным религиозным обществам) ограниченные права юридического лица. Согласно новому постановлению органам религиозных культов разрешается приобретение транспортных средств, производство предметов религиозного культа и продажа их верующим, аренда, строительство и покупка в собственность строений (кроме молитвенных зданий), открытие текущих счетов в отделениях Госбанка на имя общества. Пункт о запрете закрытия молитвенных зданий без разрешения Совета был воспринят сознанием верующих как разрешение восстанавливать действовавшие прежде религиозные общины. Совет по делам религиозных культов при СНК СССР и его уполномоченные в республиках и областях

приступили к разбору заявлений от групп верующих об открытии молитвенных домов и организации религиозных общин. На практике это вылилось в новую перерегистрацию.

При рассмотрении заявлений верующих следовало руководствоваться инструктивным письмом СРК СМ СССР «О порядке оформления дел об открытии молитвенных зданий», разосланным в январе 1947 г. Перечень необходимых документов, перечисляемых в этой инструкции, существенно затруднял положительное решение вопроса об открытии мечети или церкви. В него входили: а) ходатайство верующих об открытии молитвенного дома (не менее 20 совершеннолетних граждан) с указанием количества верующих данного культа в данной местности и с подписями ходатаев на листе ходатайства; б) именной список всех лиц, подписавших это ходатайство по форме: порядковый номер, полное имя, возраст, гражданство, место работы, место жительства, не лишен ли избирательных прав по суду, личная подпись; в) если необходима проверка этих лиц, то вся переписка по проверке; г) акты технического, санитарного, противопожарного состояния молитвенного здания, сведения о кубатуре здания, его расположении, изолированности, о входах и запасных выходах, окнах и пр; д) согласие владельца дома на сдачу его в аренду под молитвенный дом на 3—5 лет (если молитвенный дом предполагается разместить в частном доме); е) мнение представителя религиозного центра об открытии молитвенного дома (если центр имеется); ж) заключение уполномоченного СРК: все ли лица являются совершеннолетними, каково число верующих, от имени которых ходатайствует двадцатка, в каком состоянии здание, как оно используется в настоящее время, если было закрыто, то когда, количество действующих молитвенных домов в данной местности, расстояние до ближайшего молитвенного дома от места жительства заявителей; з) заключение Совета Министров республики или Облисполкома о возможности и целесообразности открытия молитвенного дома.

В этой же инструкции оговаривается порядок отклонения ходатайства и, «чтобы сдерживать рост новых мелких религиозных образований», перечисляются мотивы для отвода ходатайств: непригодность здания, малочисленность группы, использование здания под культурные, производственно-оборонные цели и под жилье, наличие поблизости культового здания той же конфессии и др. Комплекс требований, в том числе именные списки с указанием места жительства и работы, личные подписи, свидетельствует о продолжении практики тотального контроля властей над теми, кто исповедует не коммунизм, а другую религию. Эти требования не могли

не вызвать множество спорных и трудноразрешимых вопросов как морально-этического, так и практического характера.

У властей же были все основания для отказа в организации религиозной общины и открытии молитвенного дома, если оказывалось, что культовое здание занято, пришло в негодность, слишком далеко от центра или, наоборот, слишком близко к центру города, слишком велико или мало и т. д., если отсутствуют все 20 подписей и еще по ряду причин.

Наибольшее число ходатайств верующих было удовлетворено в 1945—1946 гг. Окончание войны позволяло теперь властям отказаться от прежней политики лояльности по отношению к религии. Партийное постановление 1946 г. об усилении идеологической работы означало разворот на 180 градусов в сторону прежнего бескомпромиссного, жесткого давления на всех инакомыслящих, прежде всего — верующих. Резко прекратились регистрации религиозных обществ в Поволжье, на Урале, в Мордовии. В 1947, 1948, 1949 гг. в БАССР восстанавливали в правах едва по одному мусульманскому приходу. Уже в апреле 1948 г. уполномоченным СРК на местах была направлена инструкция, в которой СРК «категорически предлагает прекратить всякую регистрацию религиозных общин».

Получив отказ СРК в регистрации общины, верующие обращались в Духовное управление мусульман, непосредственно к муфтию Габдрахману Расулеву. К нему же обращались мусульмане зарубежных стран из числа тюрко-татарских эмигрантов с просьбами выслать религиозную литературу, издаваемую в СССР.

*Письмо Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянского
Уполномоченному совету по Башкирской АССР Каримову
о выдаче муфтием Расулевым
свидетельств на право совершать религиозные обряды*

19 июля 1947 г.

Секретно

Уполномоченный Совета по Ульяновской области т. Симонов сообщает:

«Центральное Духовное Управление мусульман, в лице его муфтия Расулева, выдает свидетельство на право совершения религиозных обрядов и треб. гражданам тех сел области, где нет зарегистрированных молитвенных зданий. Так, например, ЦДУМ выдало свидетельство гражданину Абдурманову Курба-

ну из с. Филипповки Мелекесского р-на. Последний на праздник «ураза» пришел к верующим гр. Мелекесса и организовал моление. На молении присутствовало до 300 человек, богослужение проходило во дворе дома одного из верующих гор. Мелекесса Абдуллова Инметуллы».

«Второй факт незаконной выдачи свидетельства гр. Фиязиадуллову Хамидулле из с. Лабитова Н. Малыклинского р-на, и третий факт незаконной выдачи свидетельства гр. Насырову Искандеру из с. Старая Кулатки того же района. Ни в с. Филипповки, ни в с. Лабитово, ни в с. Старая Кулатки зарегистрированной мечети нет».

Сообщая Вам информацию т. Симонова, Совет по делам религиозных культов просит Вас разъяснить муфтию Расулеву, что богослужения могут проводиться только в зарегистрированных мечетях и что выдача духовным управлением документов муллам на право совершения религиозных обрядов вне приходов зарегистрированных мечетей, т. е. в районах, где нет зарегистрированных мечетей, является недопустимой.

Исходя из этого рекомендуем муфтию Расулеву прекратить в дальнейшем выдачу документов лицам на право совершения ими религиозных обрядов впредь до того, как каждое данное лицо будет в качестве муллы направляться в открываемую мечеть.

Выданные свидетельства гр. гр. Абдурманову Курбану, Фиязиадуллову Хамидулле и Насырову Искандеру муфтий Расулев должен отобрать.

О результате сообщите в Совет.

Председатель Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянский

ЦИА РБ. Ф. Р-4732. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

*Письмо Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянского
Уполномоченному совету по Башкирской АССР Каримову
о просьбе мусульман г. Кульджа (Синцзян)
к муфтию Расулеву*

22 апреля 1948 г.

Секретно

Советом по делам религиозных культов получено письмо с 4-мя приложениями, посланное из г. Кульджи (Синцзян) муфтию Расулеву Кульджинским духовным управлением мусульман.

Прилагая при этом указанное письмо с приложениями, Совет просит Вас лично передать все это муфтию Расулеву.

В письме Кульджинское духовное управление просит муфтия Расулева закупить и отправить в его адрес небольшую типографию с необходимыми принадлежностями, а также выслать 1 000 экземпляров «афтияка».

Совет считает ненужным это делать и поэтому предупреждает Вас, что если муфтий Расулев обратится к Вам за содействием для закупки типографии или отправки в г. Кульджу религиозной литературы, то Вам следует рекомендовать ему воздержаться от выполнения этого поручения.

Приложение: по тексту.

Председатель Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянский

ЦИА РБ. Ф. Р-4732. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

*Письмо Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянского
Уполномоченному совету по Башкирской АССР Каримову
о ходатайстве мусульман г. Ленинграда
о возвращении здания мечети по пр. Горького*

17 мая 1949 г.

Секретно

Группа мусульман, проживающих в г. Ленинграде, обратилась к председателю духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири Расулеву, чтобы через него просить Совет удовлетворить их ходатайство об открытии мечети в г. Ленинграде, по пр. Горького.

С приложением документов ходатайства указанной группы муфтий Расулев обратился в Совет с письмом от 4 мая 1949 г. № 340. В своем письме муфтий Расулев ходатайство верующих поддерживает.

Совет просит Вас сообщить муфтию Расулеву, что ходатайство ленинградских мусульман о передаче им здания быв[шей] мечети не может быть удовлетворено, так как здание этой мечети передано Исполнительному Комитету Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся под культурно-просветительное учреждение.

Посылаемые при этом письме материалы на 5-ти листах подлежат возврату муфтию Расулеву.

Председатель Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянский

ЦИА РБ. Ф. Р-4732. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

Муфтий Расулев при первых же встречах с уполномоченным СРК по БАССР высказал опасение, что в связи с запретом незарегистрированным общинам проводить моления и сбор денег для Духовного управления мусульман, последний за отсутствием средств прекратит существование. Поэтому он, стараясь сохранить паству, выдавал обращавшимся к нему бывшим служителям культа свидетельства на право совершения обрядов. Выдача подобных свидетельств после соответствующей проверки на знания всегда была прерогативой Духовного управления, однако в советское время выдаваться они могли лишь тем служителям культа, которые возглавляли зарегистрированную общину. Тем не менее до 1950 г. муфтий Расулев выдал 917 свидетельств. Отмечая этот факт, уполномоченный СРК по БАССР пишет: «Бывший муфтий Расулев своими действиями значительно способствовал расширению сети действующих незарегистрированных религиозных обществ и групп... он без разбора давал так называемые «свидетельства» на право совершения всевозможных неотложных религиозных обрядов среди мусульманского населения, снабжал все религиозные группы ежегодными календарями». Значительная часть мусульманского населения Поволжья, Урала и Сибири, таким образом, удовлетворяла свои религиозные потребности, числясь в действующих незарегистрированных общинах, пользуясь услугами так называемых «безмечетных мулл». Духовное управление и муфтий Расулев оказывали им посильную помощь.

*Об окончании регистрации религиозных общин,
действующих на территории Союза ССР*

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО № 485с
СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

8 августа 1946 г.

Регистрация религиозных общин (за исключением католического и лютеранского культов), действующих на территории Советского Союза, в основном закончена.

Вопрос о незначительной части выявленных фактически действующих, но по тем или иным причинам пока еще не зарегистрированных религиозных общин, в ближайшее время будет разрешен.

Ходатайства верующих об открытии молитвенных зданий и регистрация вновь возникающих религиозных общин должны рассматриваться впредь в общем порядке, предусмотренном

в Инструкции для Уполномоченных и инструктированных письмах Совета.

В настоящее время Совету необходимо иметь не только цифровые данные об общем количестве религиозных общин, действующих в пределах республики, крае или области, но и точные сведения о каждой зарегистрированной общине.

В месячный срок со дня получения настоящего письма вышлите в Совет сведения о всех действующих зарегистрированных религиозных общинах, составьте эти сведения по прилагаемой форме в двух экземплярах.

В дальнейшем о всех изменениях в положении общин (вновь зарегистрированные, распущенные, перемена местонахождения и т. д.) сообщайте в очередном информационном отчете.

Приложение: форма на 1 листе.

Зам. Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР
Садовский

ЧЕТВЕРТЫЙ СЪЕЗД МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И СИБИРИ

Апогеем послевоенной разрешительной политики властей в отношении ислама явился созыв четвертого Всероссийского съезда мусульманского духовенства (в документах съезда — представителей духовенства и верующих) Европейской части СССР и Сибири.

Подготовка к съезду — переписка, согласования, рекомендации и подробные инструкции муфтию со стороны Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, разрешение — заняла более года.

*Письмо Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Полянского
Уполномоченному совету по Башкирской АССР Каримову
о подготовке к созыву мусульманского съезда
25 октября 1948 г.*

20 сентября 1947 г.

Секретно

Сообщите муфтию Расулеву о том, что Совет по делам религиозных культов не имеет возражений против намеченного муфтием срока созыва съезда на 25 октября 1948 г., общего количества участников — 45 человек и повестки дня съезда.

К практическому осуществлению намеченной программы съезда необходимо приступить немедленно, учитывая оставшийся короткий срок.

Рекомендуйте муфтию Расулеву следующие мероприятия:

1. Разослать мухтасибам Казанскому (Кадыров), Московскому (Насредтинов), Астраханскому (Расулев), Пензенскому (Юсупов), Чкаловскому (Рахманкулов), Троицкому (Рахматуллин) и Новосибирскому (Хамидуллин) письмо-инструкцию, в котором ознакомить с повесткой съезда и предложить осуществить выборы делегатов.

2. В письме предложить порядок выбора делегатов, который, по мнению Совета, может быть следующим:

а) все мечети, входящие в мухтасибат, разделяются на кусты по 3–4–5 мечетей в каждом, в зависимости от количества делегатов, избираемых мухтасибатом (так, например, 33 мечети Казанского мухтасибата, избирающие 7 делегатов делятся на 7 кустов по 3–4–5 мечетей в каждом, Московский мухтасибат, имеющий 12 мечетей и избирающий 4 делегатов, на 4 куста и т. д.);

б) имамам мечетей предлагается избрать на ближайшем собрании общины 2 выборщиков, которые съезжаются на кустовое собрание и под руководством мухтасиба или его доверенного лица производят выборы делегата — одного от каждого куста;

в) список намеченных к избранию кандидатов в делегаты сообщается мухтасибом или его доверенным соответствующему Уполномоченному Совету;

г) избрание должно быть зафиксировано протоколом, составляемым в каждой мечети и посылаемым в Духовное Управление через мухтасиба.

3. Норму представительства рекомендуем следующую:

Казанский мухтасибат (Татарская АССР, Саратовская обл. Удмуртская АССР), имеющий 33 мечети, избирает на съезд 7 делегатов.

Московский мухтасибат (Московская, Кировская, Горьковская области, Марийская и Чувашская АССР, имеющий 12 мечетей, – 4 делегата, Астраханский мухтасибат (Астраханская и Сталинградская области), имеющий 8 мечетей, избирает 2-х делегатов. Пензенский мухтасибат (Пензенская, Куйбышевская и Ульяновская области), имеющий 53 мечети, избирает 10 делегатов. Чкаловский (Чкаловская обл.), имеющий 8 мечетей, – 2 делегатов. Троицкий мухтасибат (г. Троицк и Челябинская обл.), имеющий 8 мечетей, избирает 2 делегатов. Новосибирский мухтасибат (Новосибирская, Иркутская, Омская, Тюменская и Свердловская области), имеющий 12 мечетей, избирает 3-х делегатов. Мечети, входящие в ведение непосредственно муфтията (Башкирская АССР), имеющего 24 мечети, избирают 5 делегатов (в их число входит и муфтий Расулев).

4. От мечетей Белорусской, Литовской и Украинской ССР делегатов избирать не рекомендуется, а от имени Духовного Управления послать персонально, приглашение лицам, которые будут рекомендованы Советом позднее. (От Белоруссии 2, от Литовской ССР 3, от Украинской ССР 1).

5. Кроме того, рекомендуется пригласить почетных гостей от других Духовных Управлений мусульман, от САДУМа – 2 чел., ЗАКДУМа – 1 и ДУМСК – 1 чел.

6. Рекомендуем муфтию Расулеву срочно прислать в Совет полный текст нового проекта устава. В проекте желательно предусмотреть:

а) состав Духовного Управления в количестве 7 членов и 2-х кандидатов и ревкомиссии из 3-х членов и 2-х кандидатов;

б) состав рабочего президиума Духовного Управления в составе председателя, заместителя председателя и ученого секретаря;

в) количество мухтасибатов с точным определением их территории и функций мухтасибов;

г) новое наименование Духовного Управления, которое более точно определяло бы его положение и функции. Совет рекомендует обсудить такое наименование: «Духовное Управление мусульман Центральной и Европейской части СССР», сокращенно – ЦЕДУМ.

7. Определить рабочий и технический аппарат Духовного Управления, предусмотрев в нем должность ответственного разъездного инструктора.

Весь проект устава желательно получить не позднее 10 октября с. г.

Для помощи Вам на несколько дней до начала съезда будет командирован сотрудник Совета, который, возможно, будет и официальным его представителем на открытии съезда.

Немедленно сообщите об обеспечении делегатов съезда жильем, питанием, денежным довольствием и т. п.

Соответствующие письма Уполномоченного Совета по автономным республикам и областям, где проживают мусульмане, Советом будут разосланы.

Зам. Председателя Совета по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР Садовский

ЦИА РБ. Ф. Р-4732. Оп. 1. Д. 4. Л. 46–48.

Наконец, 11 сентября 1948 г. было дано специальное разрешение Совета министров СССР № 12974/рс на проведение IV съезда мусульманского духовенства. Представительство регионов, как видно из документов, было строго нормировано властями, уполномоченный СРК по БАССР получил разнарядку на приглашенных на съезд и должен был довести ее до сведения муфтия. Повестка дня съезда также была предписана.

Съезд открылся 25 октября 1948 г. На нем присутствовало 53 делегата с решающим голосом, среди которых были Габдрахман Расулев, Али-Зада Ахмет, Фазыл Хаджаев, Ярулла Юсупов и другие мухтасибы республик, областей и краев РСФСР, а также приглашенные в качестве гостей религиозные деятели из республик Средней Азии, Украины, Литвы и Белоруссии.

В повестке съезда были следующие вопросы:

1. Отчетный доклад муфтия за период с 1936 по 1948 г.
2. Утверждение нового Устава Духовного управления.
3. Выборы нового состава Духовного управления.

Делегаты единогласно проголосовали за новый Устав, согласно которому (§ 2) Центральное духовное управление мусульман внутренней России и Сибири было переименовано в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (сокращенно — ДУМЕС). Параграф 2 Устава также устанавливал местом пребывания ДУМЕС г. Уфу.

Функции ДУМЕС были определены §§ 12 и 13 Устава:

§ 12. Духовное управление мусульман, руководствуясь указаниями Корана и Хадисов, разрешает религиозно-догматические вопросы, касающиеся веры и богослужения, в толковании и в понимании которых встречаются трудности и разногласия, или они истолковываются неправильно. Решения Духовного управления по религиозно-догматическим вопросам доводятся до сведения мусульман Европейской части СССР и Сибири за подписью муфтия. По отдельным религиозно-догматическим вопросам муфтий может издавать фетву.

§ 13. Помимо вопросов, указанных в § 12, в круг ведения Духовного управления входят:

а) рекомендации в качестве мулл и муэдзинов мечетей лиц, выполняющих обязанности служителей культа, после проверки их соответствия занимаемым постам;

б) выдача удостоверений о назначении их в качестве служителей культа за соответствующей подписью, скрепленных печатью Духовного управления;

в) смещение с должности мулл, муэдзинов, нарушающих законы ислама, допускающих действия, не совместимые с высоким званием служителя культа, допускающих нарушения советского законодательства;

г) рассмотрение жалоб мусульманского духовенства и верующих мусульман по вопросам, входящим в компетенцию Духовного управления, и учет:

Съезд ДУМЕС, 1948 г.

- мечетей, молитвенных домов и религиозных обществ, зарегистрированных в установленном порядке;
- мусульманского духовенства, исполняющего обязанности служителя культа;
- мусульманского духовенства, находящегося в резерве;
- е) рассмотрение и утверждение приходно-расходной сметы Духовного управления.

Руководство деятельностью ДУМЕС возлагалось на его председателя — муфтия и Президиум из 3 человек (§ 15).

В ведение муфтия (в случае его отсутствие — заместителя муфтия) входили сношение с Советом по делам религиозных культов при Совете министров СССР по вопросам, требующим разрешения Правительства СССР, прием представителей мусульманского духовенства других духовных управлений мусульман в СССР, оказание содействия мусульманам Европейской части СССР и Сибири, желающим совершить паломничество в Мекку, издание Корана и Афтияка и другой религиозной литературы, установление территориальных границ управления мухтасибов в соответствии с административным делением областей, краев и республик, назначение мухтасибов как уполномоченных Духовного управления на местах, дача указаний мухтасибам, распоряжение средствами, поступающими в адрес Духовного управления.

Согласно Уставу историческое Духовное управление в Уфе имело более широкие — в географическом, территориальном плане — полномочия, нежели три других, созданных в последний год Великой Отечественной войны — САДУМ, ДУМЗак и ДУМСК. В его ведении оставались мусульмане не только Российской Федерации, но также Украины, Белоруссии, прибалтийских союзных республик.

В то же время в соответствии с принятым на съезде новым Уставом ДУМЕС лишился многих своих полномочий. Так, из ведения Духовного управления были изъяты выдача разрешений на открытие новых приходов, образование новых мухтасибатов и изменение районов существующих, мероприятия по улучшению материального положения мусульманского духовенства, составление метрических книг и выдача справок на их основании. ДУМЕС лишилось права открытия религиозных школ и краткосрочных курсов для подготовки мулл, муэдзинов, даже «с разрешения на то в каждом отдельном случае надлежащих органов власти», как было записано в Уставе 1923 г. Духовное управление мусульман сохранило за собой «право» разъяснять верующим основы ислама, разрешать религиозно-догматические вопросы, в толковании которых встре-

чаются трудности, рекомендовать после проверки на соответствие служителей культа в качестве мулл и муэдзинов мечети, выдавать им удостоверения, смещать с должности мулл и муэдзинов, нарушивших законы ислама или советское законодательство. Кроме того, ДУМЕС должен был вести учет мечетей, молитвенных домов и религиозных обществ.

Съезд не мог встать на защиту интересов верующих. Делегаты не решились воспользоваться случаем, чтобы принять обращение к правительству с просьбой ускорить решение вопроса о восстановлении прав мусульман, воссоздании общин, о возврате культовых зданий. Фактически съезд зафиксировал то состояние несвободы, в котором оказались ислам и верующие мусульмане после трех десятилетий Советской власти.

Несмотря на серьезные уставные ограничения, авторитет муфтия, его личные качества, характер позволяли ему чувствовать себя относительно независимым и выдерживать свою линию. Из года в год ему удавалось пробивать издание мусульманских лунных календарей, он смог опубликовать свое религиозное пособие «Ислам Дини». Ходатайствовал муфтий, правда, безуспешно, об открытии богословских курсов. В ответ на неоднократные предложения со стороны властей, передаваемые через уполномоченного, запретить резать скот в качестве жертвоприношения во время празднования Курбан-байрама, муфтий Расулев резонно отвечал, что его запреты не возымеют действия, скот все равно будут резать, а запрет только подорвет авторитет муфтия и Духовного управления. Муфтий старался сохранить традиции празднования Маулюд-байрама — священного для верующих мусульман праздника, посвященного рождению Пророка Мухаммеда, выступал перед верующими с проповедью, рассказывая о Пророке. В Уфе ежегодно в Маулюд-байрам устраивалось по 40 обедов, муфтий Габдрахман Расулев с женой посещал по 20 «Маулюд-аши», сам приглашал на обеды по 20—30 человек.

Обладая званием ишана, Габдрахман Расулев оказывал духовное покровительство своим последователям, хотя официально утверждал, что мюридов не имеет. Достаточно свободно вел себя Расулев и в быту. Его личная жизнь вызывала множество разговоров среди прихожан и открыто выражаемое недовольство. Уполномоченному СРК приходилось с ним довольно трудно, о чем он часто с досадой упоминает в своих отчетах. Но обуздать Расулева никто не мог.

Следует отметить, что Габдрахман Расулев был, пожалуй, последним муфтием, который мог позволить себе не считаться с вла-

стями. Он пользовался большим авторитетом в мусульманском мире, неоднократно совершал хадж в Мекку, его биография была включена американским исследователем Кэйе в издание «Who Is Who In Religion» 1947 г. Кроме того, на Габдрахмана Расулева падал отсвет славы его отца Зайнуллы Расулева, известного ишана, «духовного короля ислама», основателя медресе Расулия в Троицке, пережившего гонения и преследования со стороны властей Российской империи. Ну и, наконец, возраст муфтия Габдрахмана Расулева и неизлечимая болезнь делали его уже неуязвимым для властей предрежащих.

Габдрахман Расулев скончался от тяжелой продолжительной болезни 6 июля 1950 г. Его хоронили во дворе Уфимской соборной мечети. Прощаться с духовным лидером мусульман России пришло около 1 200 человек. Многие его искренне оплакивали, восприняв смерть муфтия как свое личное горе.

Уход муфтия Габдрахмана Расулева из жизни совпал с возвратом властей к жесткому антирелигиозному курсу. Символично, что после его смерти восстановление мечетей практически прекратилось, и в 1950–1955 гг. не было зарегистрировано ни одного мусульманского прихода.

ДУМЕС И МУСУЛЬМАНЕ СТРАНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

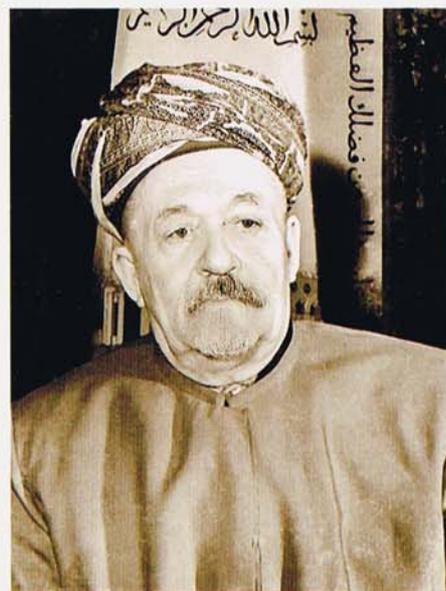
С июля 1950 г. по март 1951 г. обязанности председателя ДУМЕС исполнял казый Баймухамед Тугузбаев. В это же время велась работа по подбору кандидатуры на пост муфтия.

21 марта 1951 г. в Уфе открылся съезд представителей мусульманского духовенства Европейской части СССР и Сибири, на котором присутствовало 70 человек. Среди них — специально приглашенный казый Шакир Хиялетдинов, кандидатура которого в качестве нового председателя ДУМЕС была согласована всеми инстанциями. Следует отметить, что при подборе кандидатуры на пост нового председателя ДУМЕС возникли определенные проблемы — большая часть мусульманской элиты была сослана в лагеря и физически уничтожена в годы политических репрессий. Возраст тех, кто оставался на свободе и мог бы теоретически занять этот пост, был далеко за 70, а то и все 80 лет. В стране не было ни одного религиозного учебного заведения, в котором бы осуществлялась подготовка кадров высшего духовенства, не считая бухарского медресе Мир-Араб, которое только в 1946 г. возобновило свою деятельность.

Муфтий Шакир Хиялетдинов

Хиялетдинов Шакир Шайхисламович (15 мая 1890 г., д. Звериноголовка Оренбургской губ. — 15 июня 1974 г., г. Уфа), окончил медресе Расулия (1909), учился в медресе Иж-Буби (1910), в 1910—1951 гг. жил и работал (преподавал в мусульманских учебных заведениях, служил имамом) в Средней Азии, был председателем ревизионной комиссии Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, 21 марта 1951 г. избран председателем ДУМЕС, награжден золотой медалью «За укрепление мира между народами» (1972).

Признавая сложность выбора нового муфтия, при обсуждении кандидатуры Баймухамед Тугузбаев сказал следующее: «Дорогие делегаты, священное духовенство! Ввиду неожиданной смерти муфтия Расулева всех нас постигло большое горе, и поэтому мы не смогли сразу подобрать кандидатуру с соответствующим образо-

Муфтий
Шакир Хиялетдинов

ванием на эту должность. Ибо муфтий не является простым приходским имамом, а должен управлять таким большим Духовным управлением — центром, который охватывает и обслуживает духовенство, верующих мусульман, расположенных на территории более половины СССР. Мы, казыи, обсуждали несколько кандидатур на пост муфтия, но они, если подходили по духовному образованию, не подходили по другим деловым качествам, ввиду чего созыв Меджлиса откладывался. В настоящее время соответствующая кандидатура нами найдена — это казый Шакир ибн Шейхлислам Хиялетдинов».

Решающим обстоятельством было то, что кандидатуру Шакира Хиялетдинова поддержал председатель САДУМ Ишан Бабахан — от его имени выступил казый Фазыл Ходжа Садыков. Делегаты, стоя, единогласно проголосовали за избрание Шакира Хиялетдинова председателем ДУМЕС.

На этом же съезде были утверждены территориальные границы мухтасибатов и духовных полномочий мухтасибов.

Мухтасибаты на территории ДУМЕС, 1948 г.

Мухтасибат	Территория мухтасибата	Мухтасиб
1	Московская, Кемеровская, Горьковская, Ленинградская области, Марийская и Чувашская автономные республики	Исмагил Муштариев, имам-хатыб мечети г. Москвы
2	Татарская и Удмуртская автономные республики, Молотовская область	Халилрахман Латыпов, имам-хатыб мечети г. Казани
3	Астраханская, Сталинградская, Ростовская области	Камаретдин Салихов, имам-хатыб мечети г. Астрахани
4	Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Куйбышевская и Ульяновская области	Ярулла Юсупов, казый
5	Башкирская АССР, Челябинская, Свердловская, Омская, Новосибирская, Иркутская, Тюменская, Кемеровская, Чкаловская области	Бари Юнусов, имам-хатыб мечети г. Ишимбая Башкирской АССР
6	Украинская, Литовская, Белорусская, Эстонская союзные республики	Мустафа Александрович Шабанович, имам-хатыб д. Муравшизно Гродненской области Белорусской ССР

Повседневное обращение к исламу и религиозная жизнь верующих мусульман протекали довольно незаметно. В сельских действующих мечетях проводились службы, на которых по пятницам присутствовало от 5 до 10 человек. В мечетях крупных городских приходов — Уфы, Стерлитамака, Ишимбая, Давлеканова — на пятничные службы (джемга-намаз) собиралось в обычные месяцы по 10–50 человек, в основном старики. Отправление обрядов на дому, а также бытовая религиозность не поддавались учету даже всевидящего уполномоченного СРК. И тем не менее из его же отчетов следует, что по деревням ходили «суннатчи бабаи», производившие обрезания. Муфтий Расулев предлагал организовать выдачу им свидетельств, заверенных органами здравоохранения, позволяющих действовать легально и подконтрольно.

Трудно судить о скрытой религиозной жизни мусульман в данный период. Нигде не приводятся, да и не могут быть приведены точные данные о совершении обрядов бракосочетания («никах»), наречения имени новорожденным («исем кушы»), похоронного обряда («жиназа»). Появляющиеся в отчетах уполномоченного СРК цифры — 4 венчания, 7 наречений, 12 отпеваний в год в таком-то населенном пункте — вряд ли соответствуют действительности, так как и «никах», и «исем кушы» старались проводить тайно. Что же касается обряда похорон, то с уверенностью можно сказать, что в деревнях, да и в городах практически всех хоронили, придерживаясь религиозных традиций.

Более рельефно проявлялась религиозная жизнь во время мусульманских праздников.

Верующим мусульманам официально разрешалось отмечать три основных религиозных праздника в году: Ураза-байрам после окончания поста, Курбан-байрам и Маулюд-байрам. Праздники эти проходили под строгим контролем уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР и его помощников, для которых праздники оборачивались напряженнейшей работой. Им приходилось добывать самые разнообразные сведения о прохождении праздников во всех приходах и незарегистрированных общинах. Из докладных записок мы можем, таким образом, узнать, сколько человек держало пост в месяц Рамазан, сколько верующих приходило в мечети на пятничные намазы, сколько человек присутствовало на праздничной службе, возрастной и половой состав присутствовавших. Донесения были настолько подробны, что в них указывались даже такие детали, как номера автомобилей, на которых приезжал кто-либо из верующих. Непременно сообщалось,

сколько денег было собрано во время богослужений и в дни праздников вообще. Известно, что в Уфе в обоих приходах в дни Уразы в 1953 г. было собрано 25 500 рублей. Имелись сведения и о том, кто из верующих приглашал к себе домой на праздничный обед мулл и муфтия. Большое внимание уделялось тому, как проходили религиозные праздники в незарегистрированных общинах. Обычно один из верующих брал на себя совершение общественного намаза, и в отчет попадало не только его имя, но также и всех тех, кто приходил на службу, подробно указывалось, сколько человек из какого населенного пункта участвовало в службе. В отчетах имеются сведения не только о количестве верующих или о суммах денег. Указываются даже данные о количестве скота, принесенного в жертву во время празднования Курбан-байрама. Так, в Уфе в 1953 г. верующими было зарезано 35 баранов, в д. Старо-Якшеево — 3, в Ильтуганово — 2. В отчете также указывается, что в «...в соответствии с указанием Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Союза ССР весь процесс моления, мужчины, женщины и другие участвующие на молитвенном собрании в день праздника, были сфотографированы через специального фотографа, снимки которых прилагаю». Уполномоченный был в курсе всех денежных поступлений в ДУМЕС и их расходов. В отчетах приводятся данные о денежных сборах ДУМЕС, сведения о выполнении контрольных заданий областями и республиками.

*Послевоенный Ураза-байрам.
Женщины во дворе Уфимской
соборной мечети*

В праздничные дни в действующих и недействующих мечетях собирались толпы народа. Первый же мусульманский праздник, состоявшийся после окончания Великой Отечественной войны, — Ураза-байрам (7 сентября 1945 г.) — собрал в Уфимской соборной мечети более 3 тыс. верующих, а всего в 12 зарегистрированных мечетях в торжественном богослужении приняли участие 7 тыс. мусульман.

В праздновании Курбан-байрама в том же году (15 ноября 1945 г.) приняли участие 10 тыс. человек.

До начала 50-х гг. сохранялось примерно одинаковое количество посещающих мечети в праздничные дни: уфимские первую и вторую мечети — по 3 тыс. человек, давлекановскую, стерлитамакскую, ишимбайскую — по 350–400, сельские — по 100–200 человек. Среди посещающих мечети женщины составляли 10–30 %, пожилые и старики — 50–65 %, в уфимских мечетях в каждом праздничном богослужении принимали участие 30–50 детей, прибывших с родителями.

В месяц Рамазан, завершающийся празднованием Ураза-байрама, совершали еженежные «тарауих-намаз» (в Уфе по 50–80 человек), по пятницам приходили на «джемга-намаз» (по 200–250 человек), старики держали пост (по 150 человек). При этом власти строго следили за тем, чтобы соблюдение поста и празднование не отразились на общественном порядке, выходе на работу, трудовой дисциплине. Уполномоченный СРК в отчетах о прохождении му-

*Послевоенный Ураза-байрам.
Верующие во дворе Уфимской
соборной мечети*

сульманских праздников регулярно сообщает о случаях невыхода на работу, перечисляет имена и место службы тех, кто нарушил трудовую дисциплину в связи с постом и праздником, или пишет: «Случаев нарушения трудовой дисциплины не было». Муфтий вынужден был обращаться к мухтасибам и имамам с просьбой разъяснять верующим необходимость соблюдать трудовую дисциплину, не срывать полевые работы в связи с постом. Соблюдающие пост верующие скрывали, что держат уразу. «Те, кто соблюдает пост, выявлены из бесед, — пишет уполномоченный, — однако не все признаются. Стараются не показать, что они держат пост, так как это считается хвастовством, что запрещено по шариату».

Большинство верующих мусульман Урала, Сибири и Поволжья проживало в сельской местности и трудилось в колхозах. Жизнь колхозников была подчинена «Примерному уставу сельскохозяйственной артели», принятому II Всесоюзным съездом колхозников — ударников и утвержденному СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. 19 сентября 1946 г. вышло Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которое предусматривало ужесточение наказаний за нарушение трудовой дисциплины. В связи с этим в июне 1947 г. Духовное управление обратилось к верующим с призывом не ослаблять своей работы на производстве в период проведения праздника Ураза. Это обраще-

«Курбан-аши»
с членами ДУМЕС

ние было зачитано во всех мечетях. В дни религиозных праздников служителям культа рекомендовалось проводить молитвы в утренние часы, до начала рабочего дня, чтобы совершение религиозного обряда не имело своим последствием нарушение трудовой дисциплины.

Во время празднования Курбан-байрама совершали жертвоприношения — резали баранов в соответствии с мусульманскими правилами, из мяса варили праздничный обед, часть мяса раздавали родным и соседям. В Уфе в 1947 г. было забито 50 баранов, шкуры 10 баранов были розданы муллам — Тугузбаеву Баймухамету, имаму соборной мечети, и Султанову Исламмурату, имаму второй мечети. По всей Башкирии было забито около 3 000 баранов, до 30 % шкур было продано госзаготовителям.

Уполномоченный СРК пытался проследить изменение рыночных цен на мясо во время забоя скота в связи с Курбан-байрамом. Он считал, что в 1946 г., когда Курбан-байрам пришелся на 4 ноября, повышенный спрос сопровождался массовым забоем скота и ростом цен на мясо на 5 %, что, конечно, вызывает сомнения. Ежегодно ноябрь и декабрь являются месяцами забоя скота и установления новых рыночных цен на мясо, которые держатся до весны. Влияние Курбан-байрама здесь, думается, минимальное. Тем не менее в 1948 г. мусульманское духовенство СССР приняло обращение к верующим, в котором говорилось, что выполнение жертвоприношения скотом необязательно, вместо жертвоприношений «курбан» разрешалось добровольное пожертвование деньгами. С инициативой такого обращения выступило Духовное управление Средней Азии и Казахстана во главе с муфтием Ишаном Бабаханом. Еще весной 1945 г. ДУМСАК издало специальную фетву, в которой говорилось, что жертвоприношение скотом «не является ваджибом, а является суннатом», то есть оно не является обязательным, но желательным. Однако муфтий Габдрахман Расулев выпустил свое обращение, где отмечалось, что жертвоприношение — одна из форм «гадата», и выполнять его надо по мере возможности. Все же в последующие годы число жертвоприношений скотом снижается, в 1949 г. по Башкирии было забито всего 850 баранов.

В Курбан-байрам в домах верующих мусульман устраивали «Курбан-аши» с приглашением мулл и верующих. Верующих, устраивающих праздничные обеды, было так много, что они записывались в очередь, чтобы пригласить мулла, а муллам приходилось расписывать свой день по часам. В Уфе устраивали до 30 «Курбан-аши» с приглашением духовенства.

В ночной проповеди в дни Маулюд-байрама (отмечается 3 дня) рассказывают о Пророке. Верующие Уфы совершают паломничество к святыне, хранящейся в соборной мечети — «волосу Пророка». Во всех официально действовавших мечетях БАССР в 1946—1950 гг. в дни Маулюд-байрама собиралось до 1 500 человек, из них 500 — в Уфе. Днем в многочисленных местах устраивался «Маулюд-аши».

В дни мусульманских праздников народ приходил в мечети в приподнятом настроении, надевая праздничную одежду. В мечетях собирались не только верующие, но и любопытствующие горожане.

*Вынос волоса Пророка.
Уфа, 1954 г.*

Среди них были татары и башкиры, а также представители других наций. Во дворах мечетей присутствовало много нищих, для которых дни религиозных праздников были особенно удачными. Вот, например, как уполномоченный СРК описывает «Гайд-намаз», состоявшийся 27 июля 1949 г.: «Во дворе уфимских первой соборной и второй (кладбищенской) мечетей собралось 6 000 человек, все были в приподнятом настроении, празднично одетые. Среди присутствующих были 5 военных, из них 4 без знаков различия. ...Нищих было 100 человек, из них около 30 инвалидов. Несколько человек приехали на автомашине, номер автомашины БВ-09-51. Среди молящихся было также около 30 человек, с виду похожих на интеллигентов, от 30 до 40 лет. Пожилые составляли 70 процентов, молодежь — 5 процентов присутствовавших». Как видно из описания (если абстрагироваться от чрезвычайной осведомленности уполномоченного), причастными к мусульманскому празднику чувствовали себя представители разных слоев горожан.

Обычно идущие на праздничные богослужения верующие по дороге собирались группами по 10—15 человек и с ритуальным пением «такбир» (многократное или пятикратное произнесение молитвенной формулы «Аллаху акбар») шли к мечети, при этом останавливались на перекрестках для громкого вознесения хвалы богу. В Уфе с пением «такбир» шли по улицам Бельской, Новомостовой, Салавата и Тукаевской — к Первой соборной мечети, и по улицам Гафури, Водопроводной — к кладбищенской мечети. Все перечисленные улицы не были центральными, и шествия верующих не нарушали общественного порядка. Тем более что все праздничные богослужения проводились задолго до начала рабочего дня, в городах — в 7—8 часов, а в сельской местности, особенно в летнее время, — в 6—7 часов утра. В 1949 г. под давлением властей муфтий был вынужден выпустить «указ», в котором говорилось: «Пение «такбир» допустимо только в зданиях зарегистрированных мечетей. Запрещается пение «такбир» по улицам».

В августе 1949 г. муфтий Габдрахман Расулев был в Москве на приеме у председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР Полянского. В беседе с Полянским была достигнута договоренность о том, что пение «такбир» не следует запрещать, как не следует запрещать и резать скот во время Курбан-байрама. Муфтий послал в Уфу письмо на имя казья Тугузбаева Баймухамета, в котором распорядился 2 октября, в день Курбан-байрама «пение «такбир» по улицам и жертвоприношение производить в обычном порядке».

*Уфимская соборная мечеть
во время праздника.
1960-е гг.*

Как следует из информационных отчетов уполномоченного Совета по делам религиозных культов, до 40 % собирающихся в мечетях на праздничные службы прибывали группами с пением «такбир». В самих же мечетях в послевоенные годы, до самой смерти Сталина, кроме многочисленного «Аллаху акбар» верующие произносили «троекратный такбир» за Сталина, потом — «такбир» за руководителей Советского государства.

Праздничная служба состояла из торжественной проповеди («вагаз») имам-хатыба мечети, чтения Корана, молитвы, «такбира». Тема «вагаза» увязывалась с соответствующим праздником: если это Курбан-байрам, то рассказывалось о значении добровольных пожертвований, если Маулюд-байрам, то шел рассказ о Пророке. Кроме того, в «вагазах» обязательно в одобрительной форме говорилось о внутренней и внешней политике Советского государства, звучали призывы честно трудиться на благо страны. Как уже было сказано, обязательным элементом службы были восхваления — «такбир» в адрес первого лица и руководства страны.

Мусульмане Уфы с особым интересом слушали публичные проповеди имам-хатыба соборной мечети Баймухамета Тугузбаева (с 1948 г. — казый) и имам-хатыба второй мечети Исламмурата Султанова. После смерти Султанова летом 1948 г. до назначения нового имам-хатыба его обязанности временно выполнял большой знаток Корана мулла Мухаметзян, чьи выступления заставляли верующих плакать. После проповедей Карый Мухаметзяна верующие выстраивались в очередь, чтобы дать ему «хаир» по 10 и более рублей, а это по тем временам немалые деньги.

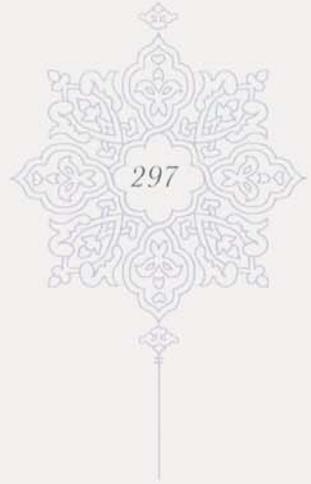
Денежные пожертвования верующих составляли основную статью дохода мечетей и самого Духовного управления мусульман. Регулярные поступления в обычные дни были невелики, зато во время мусульманских праздников проводился сбор средств, и казна мечетей и ДУМЕС существенно пополнялась. В 1946 г. во время празднования Ураза-байрама прихожане уфимских мечетей собрали 34 143 рубля, в Курбан-байрам — 30 900 рублей, в Ураза-байрам 1948 г. в обеих мечетях собрали 7 764 рубля (уже после денежной реформы 1947 г.). Все собранные суммы распределялись на содержание ДУМЕС, приходов, на ремонт мечетей и кладбищ, на паломничество, отчислялись также деньги на помощь сиротам, были и другие целевые благотворительные отчисления.

До сих пор речь шла об официально действующих, зарегистрированных общинах, число которых в 1948 г. достигло 23. Совершенно очевидно, что такое количество зарегистрированных обществ не

могло удовлетворить религиозные потребности мусульманского населения республики. В результате большая часть верующих была объединена в так называемые «незарегистрированные» религиозные общества (от 20 человек и больше) и религиозные группы (5–10 человек). Деятельность многих религиозных обществ была пресечена незадолго до 1941 г., а то и буквально накануне войны, и верующие не воспринимали себя и свои объединения как незаконные, тем более после постановления 28 января 1946 г. Подача заявления о восстановлении мечети и общины была, по их мнению, основанием для продолжения религиозной деятельности.

*Карый Мухаметзян.
5-я мечеть на мусульманском
кладбище. Уфа, 1954 г.*

Количество незарегистрированных обществ еще как-то поддавалось учету уполномоченного, так как представители этих обществ хотя бы по разу побывали у него на приеме с ходатайством о регистрации. Что касается религиозных групп, то конкретные данные о них представить трудно. Они не были постоянными, обычно в такие группы объединялись несколько верующих для богослужений во время религиозных праздников, а регулярных совместных служб не проводили. Незарегистрированные религиозные общества, как правило, имели своего священнослужителя, обычно — бывшего муллу, и признавали его в таком качестве. Группы же возглавлялись случайными людьми, теми, кто в данный момент брал на себя функции служителя. Обычно это были старики, хорошо знающие Коран, молитвы, религиозные правила.

Существование подобных общин и групп вызывало большую тревогу у местных властей и уполномоченного СРК. Последний, узнав что-либо о деятельности незарегистрированных обществ, немедленно докладывал в органы безопасности: «В Министерство Госбезопасности БАССР. Довожу до Вашего сведения, что в некоторых районах и городах Башкирии группы верующих под руководством бывших мулл или пресвитеров регулярно совершают моления, не имея на руках соответствующего разрешения на право совершать обряды. ...Все вышеперечисленные группы всячески отклоняются от присоединения к близлежащим действующим молитвенным домам. Бывшие служители культов избегают легализации групп, чтобы не платить налоги. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Башкирской АССР Каримов».

Верующие зарегистрированных обществ проводили богослужения в мечетях при большом скоплении народа, службу вел мулла. Поскольку в конце 40-х гг. на территории Башкирии функционировали всего 23 зарегистрированные мечети, то основной массе верующих приходилось довольствоваться отправлением религиозных обрядов и молитвами на дому. По пятницам и религиозным праздникам они все же собирались для общественного намаза либо в доме одного из верующих, либо в закрытой и никем не используемой мечети, а то и под открытым небом на кладбище. Число участников таких общественных богослужений было значительно меньше, чем число молящихся в зарегистрированных мечетях, оно колебалось от 25 до 100 человек.